

Серия «Азиатика»

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

Serge A. Frantsouzoff

EAST OF ADEN
Oasis of Raybūn in the 1st Millennium BC

**Epigraphic documentation,
religious life and social structure
of a cult center of ancient Hadramawt**

St. Petersburg State University
Faculty of Philology
Nestor-Historia
St. Petersburg
2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

С. А. Французов

К ВОСТОКУ ОТ АДЕНА
Оазис Райбӯн в I тысячелетии до н. э.

**Эпиграфические памятники,
религиозная жизнь и социальное устройство
культового центра древнего Хадрамаута**

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Нестор-История
Санкт-Петербург
2012

ББК 63.3(0)31
Ф84

Французов, С. А.

Ф84 К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н. э. (эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута). 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. — 224 с., ил. — (Азиатика).

ISBN 978-5-8465-1152-1 (Филологический факультет СПбГУ)

ISBN 978-5-98187-873-2 (Нестор-История)

В монографии представлены основные результаты историко-филологического анализа эпиграфических памятников, обнаруженных советскими и российскими учеными в 1983–2007 гг. в ходе раскопок одного из храмовых центров доисламского Йемена — Райбуна, в I тысячелетии до н. э. входившего в состав Хадрамаутского царства. В работе обоснованы новые подходы к реконструкции относительной хронологии древних южноаравийских надписей, базирующиеся на палеографических и лингвистических критериях, вскрыты не известные ранее особенности хадрамаутского эпиграфического языка и формуляра местных текстов, выявлены некоторые черты повседневной жизни и культовой практики обитателей Райбуна, рассмотрены социальная структура райбунского общества и основные вехи пройденного им исторического пути.

Книга предназначена для специалистов по Древнему Востоку, а также для арабистов и семитологов, желающих познакомиться с последними достижениями в области сабсисгики.

ББК 63.3(0)31

Frantsouzoff, S. A.

East of Aden. Oasis of Raybun in the 1st Millennium BC (epigraphic documentation, religious life and social structure of a cult center of ancient Hadramawt). 2nd ed., rev. and augm. — St. Petersburg : St. Petersburg State University Faculty of Philology; Nestor-Historia, 2012. — 224 p., ill. — (Asiatica).

The present monograph contains the main results of an historico-philological analysis of the epigraphic documents discovered by Soviet and Russian scholars in 1983–2007 during the excavations of Raybun, one of the temple centers of pre-Islamic Yemen, which was an integral part of the kingdom of Hadramawt in the 1st millennium BC. In this work new approaches to the reconstruction of the relative chronology of ancient South Arabian inscriptions are well-reasoned on the basis of palaeographic and linguistic criteria, previously unknown peculiarities of the epigraphic Hadramitic language and its textual formulae are revealed, several features of the everyday life and cult practice of the inhabitants of Raybun are elucidated, the structure of the society of Raybun and the principal benchmarks of its historical development are examined.

The book is intended for the specialists in the ancient Orient as well as for the Arabists and Semitologists who want to be informed about recent achievements in the field of South Arabian Studies.

ISBN 978-5-8465-1152-1
ISBN 978-5-98187-873-2

© С. А. Французов, 2012
© С. В. Лебдинский, оформление, 2012

*Светлой памяти
Севира Борисовича Чернецова
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Появление нового, исправленного и дополненного, издания этой книги стало возможным благодаря инициативе Бориса Васильевича Ерохина, руководителя Издательства филологического факультета СПбГУ, который вскоре после выхода в свет ее первого издания, тираж которого по финансовым соображениям был ограничен всего 100 экземплярами, разошедшимися среди специалистов и не поступившими в свободную продажу, предложил вновь опубликовать ее, чтобы сделать доступной большему числу потенциальных читателей.

Эта возможность была использована не только для исправления замеченных опечаток, устранения обнаруженных неточностей, увеличения более чем в полтора раза объема иллюстративного материала, но и для внесения существенных добавлений и изменений в две последние главы. Так, глава V «Имена райбунцев» пополнилась разделом, в котором на основе сравнительного анализа антропонимики Райбўна и некоторых других городищ и археологических объектов Внутреннего Хадрамаута рассматривается вопрос о том, являлся ли райбунский храмовый центр местом паломничества обитателей достаточно удаленных от него поселений этой области. В главе VI «Общество Райбўна: структура и институты» был значительно переработан раздел, посвященный датировкам по эпонимам в райбунских и других хадрамаутских надписях, в связи с тем, что сделанные ранее выводы, которые в него вошли, подверглись пересмотру в ходе подготовки докторской диссертации «Общество и государство в древнем Хадрамауте (начало I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.)». Последний раздел главы VI «Гибель Райбўна» также пришлось немного дополнить.

В остальном принцип, которым я руководствовался, работая над этой книгой, остался неизменным: в ней отражен лишь тот материал, который прямо или косвенно связан с Райбўном. От соблазна более полно представить на ее страницах наиболее важные элементы культуры Хадрамаута и основные вехи его истории в I тысячелетии до н. э. меня удержало осознание того, что они найдут себе место, причем в куда более полном виде, в томе I «Истории Хадрамаута», посвященном эпохе древности. В настоящее время я готовлю его к публикации, опираясь на докторскую диссертацию.

*Санкт-Петербург,
апрель 2011 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написать эту книгу мне посоветовал Севир Борисович Чернецов (1943–2005)¹, у которого мне посчастливилось учиться не только классическому эфиопскому языку, но и стилю научной работы. Немало почерпнул я у него и житейской мудрости. Однажды в конце 2003 г., когда он серьезно занемог и редко появлялся в Кунсткамере и университете, я обратился к нему за советом, какую плановую тему мне выбрать на ближайшие три года. Академию наук в очередной раз лихорадило: кому-то из высокопоставленных чиновников пришло на ум от пятилетней системы планирования перейти к трехлетней. Для гуманитариев это означало серьезный пересмотр сложившегося в течение десятилетий ритма научной работы.

— А попробуйте изложить на русском языке в доступной не только для сабеиста, но и для семитолога иного профиля форме то, что у Вас наработано по эпиграфике Райбуна. Заодно увидите, в чем Вы хорошо разобрались, а над чем следует еще поразмыслить, — ответил мне Севир Борисович.

Насколько мне удалось выполнить пожелание последнего из моих учителей, судить читателю этой книги. Она предназначена, в первую очередь, для специалистов, владеющих хотя бы одним семитским языком: для арабистов, гебраистов, сириологов, эфиопистов, желающих расширить свой кругозор и познакомиться с динамично развивающейся смежной дисциплиной — сабеистикой, занимающейся комплексным историко-филологическим изучением южноаравийских надписей, львиная доля которых составлена на сабейском языке, откуда и происходит ее название. Впрочем, часть эпиграфического наследия древнего Йемена дошла до нас на трех других языках: ма'инском (или минейском), катабанском и хадрамаутском.

Интересной группе памятников хадрамаутской письменности, происхождение которых связано с одним из крупнейших археологических комплексов Хадрамаута, сохранившего до наших дней свое подлинное имя — Райбун, посвящена эта работа. В древности границы Хадрамаута как государства и особой историко-культурной области Южной Аравии выходили за пределы одноименной провинции (*мухāфаза*) Йеменской Республики, охватывая на западе значительный прибрежный район с портом Қани'² (городище Би'р 'Али) и расположенное на краю пустыни Рамлаг ас-Саб'атайн

¹ О жизненном и творческом пути этого выдающегося русского эфиописта см.: Французов 2005б; Коган и др. 2005.

² Достаточно надежная вокализация древнего топонима *Qn'* стала возможной благодаря тому, что он был обнаружен в форме *قنى* (без точек), которая может быть прочитана либо как Қани', либо как Қанй',

ПРЕДИСЛОВИЕ

вади 'Ирмā со столичным городом Шабва³, а на востоке — Дофар. В книге в основном речь пойдет о так называемом Внутреннем Хадрамауте, под которым принято понимать все вади Хадрамаут от истоков до места впадения в него вади Санā', за которым оно переходит в вади Масйла, а также прилегающие к нему боковые долины. В его западной части как раз и находится Райбун (см. карты 1, 2 на с. 10).

Надеюсь, что книга привлечет внимание археологов, проводящих полевые исследования в Южной Аравии. Правда, некоторые ее разделы, носящие по преимуществу филологический характер, вряд ли их заинтересуют. Однако хочется верить, что, по крайней мере, отдельные выводы коллеги-эпиграфиста окажутся полезными в их последующей работе. Следует отметить, что основные итоги археологического изучения Райбуна подведены А. В. Седовым в двух недавно вышедших фундаментальных монографиях⁴. Именно поэтому в настоящей работе было решено сосредоточиться лишь на том новом материале, который может дать райбунская эпиграфика (разумеется, с учетом в необходимых случаях данных археологии). При этом автор не поддавался соблазну рассмотреть на страницах книги те факты и явления, которые не представлены в текстах Райбуна, но засвидетельствованы в других хадрамаутских надписях, ибо такой подход шел бы в разрез с его основной задачей — всесторонне проанализировать именно райбунское эпиграфическое наследие как исторический источник.

Вынесенную на суд читателей работу планировалось назвать «Райбун: люди и надписи» (речь идет о 1-м издании. — С. Ф.). Однако по мере ее написания стало ясно, что как раз о райбунах нам пока известно куда меньше, чем об оставленных ими памятниках эпиграфики. За геометрически четкими линиями южноаравийских букв едва различимы смутные силуэты тех, кто эти символы высекал и читал. Действительно, о многих важнейших сторонах повседневной жизни обитателей Райбуна нам ничего не известно, например, как они одевались, что за блюда готовили, какие формы брака предпочитали... Хочется надеяться, что когда-нибудь эту книгу удастся переиздать с существенными дополнениями, приведя заголовок в соответствие с первоначальным замыслом.

При транслитерации арабских имен собственных и нарицательных использована система И. Ю. Крачковского. Общеупотребительные топонимы (Йемен, Хадрамаут, Дофар, Сана, Медина, Мекка и др.) даны в той форме, в какой их принято употреблять в отечественной географической традиции; в остальных сохранены все диакритические знаки. При цитировании южноаравийских текстов за основу была взята система Альфреда Бистона, в которой этимологические эквиваленты арабских *сйна* и *шйна* передаются как *s¹* и *s²*, а отсутствующий в арабском третий сибилянт — как *s³*. В кириллической транслитерации, использованной для древнейеменских имен собственных, им соответствуют «с», «ш» и «с̣». В квадратные скобки взяты восстановленные

на йеменской карте начала XIV в., входящей в официальный сборник, составленный по распоряжению расулидского султана ал-Малика ал-Му'айяда (696/1296–721/1321) и посвященный налогообложению подвластных ему земель (al-Malik al-Mu'ayyad (Jāzim) 2008. P. 132, 395). Таким образом, следует отказаться как от широко распространенного условного чтения Қана', так и от реконструкции Qāni' (с долготой в первом слоге!), предложенной К. Ж. Робеном с учетом греческой передачи этого топонима через Κανί (см., например: Robin 1996, col. 1201; Robin, Brunner 1997, Nr. 8/9, — и особенно: Robin 2010. P. 403–404).

³ Стоит отметить, что древняя хадрамаутская столица сама дала название современной йеменской провинции (с административным центром в г. 'Атақ), расположенной к западу от провинции Хадрамаут.

⁴ Седов 2005; Sedov 2005.

К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н. э.

символы, в угловые — поврежденные; звездочками с обеих сторон выделены исправленные резчиком знаки. Реконструкция гласных в хадрамаутских и других южноарабских антропонимах условна и основана на передаче некоторых из этих имен в арабо-мусульманской традиции и на широком применении аналогий⁵.

Автор считает приятным долгом выразить глубочайшую благодарность своим учителям — П. А. Грязневичу (1929–1997), который летом 1982 г. предложил ему тему курсовой работы, связанную с историей Хадрамаута, и навсегда увлек его изучением этого региона, и А. Г. Лундину (1929–1994), который ввел его в мир сабеистики. Искренней признательности заслуживают те, с кем обсуждались некоторые положения этой книги и кто помог своими ценными советами: начальник Российской комплексной экспедиции в Йеменской Республике А. В. Седов и ее ведущий археолог Ю. А. Виноградов, с которыми довелось делить экспедиционные будни в 2004, 2005 и 2007 гг., а также коллеги-сабеисты: Альфред Бистон из Оксфорда (1911–1995), удостоивший своим *Postscript*'ом первую статью о райбунских надписях, опубликованную автором этих строк⁶, Жак Рикманс из Лувена (1924–2005), Кристиан Жюльен Робен и его ученики Мунйр 'Арбаш и Ивона Гайда (Экс-ан-Прованс, Париж), Вальтер Вильгельм Мюллер (Марбург), Алессандра Аванцини и ее ученица Алессия Приолетта (Пиза), А. В. Коротаяев (Москва). Огромное спасибо за гостеприимство и поддержку следует сказать йеменским коллегам и друзьям 'Абд ал-'Азйзу Джа'фару Бин 'Ақйлу (ал-Мукалла), 'Абд ар-Рахману ас-Саққафу и Хусайну 'Айдарусу (Сай'ун), Йусуфу 'Абдаллаху, 'Абдаллаху Ба Вазйру и 'Абд ал-Баситу Ну'ману (Сана), равно как и немецким археологам Буркхарду Фогту, Ирис Герлах, Хольгеру Хитгену (Берлин, Сана). Добрым словом нужно вспомнить инженера-программиста И. Г. Тихонову за большую помощь в компьютерной обработке райбунских надписей для последующего изучения их палеографии.

Особо хочется отметить любовь и самопожертвование супруги автора Е. А. Коровченко, без чьей ежедневной поддержки эта книга не была бы написана.

*Санкт-Петербург — Сус,
июль–август 2006 г.*

⁵ См., в частности, выше примеч. 2.

⁶ См.: Frantsouzoff 1995; Beeston 1995.

ВВЕДЕНИЕ

ОТКРЫТИЕ РАЙБҮНА И ИСТОРИЯ ЕГО ЭПИГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

... ومن مآثر الحضارم ريبون وهي بقايا حصون
مبنية بالحجارة الجنادل ويقال أن ملكها أي هذه الأرض
اقترع ألف بكر وافتتح ألف مدينة أو الله أعلم ...
(علي بن أحمد بن حسن العطاس،
نفتح المسك المفتوت من اخبار وادي حضرموت)

...А из древних памятников хадрамаутцев —
Райбун, а это — остатки крепостей, построен-
ных из громадных камней, и говорят, что царь
ее, сиречь сей земли, растлил тысячу девиц и
завоевал тысячу городов, а уж Аллах лучше
знает...

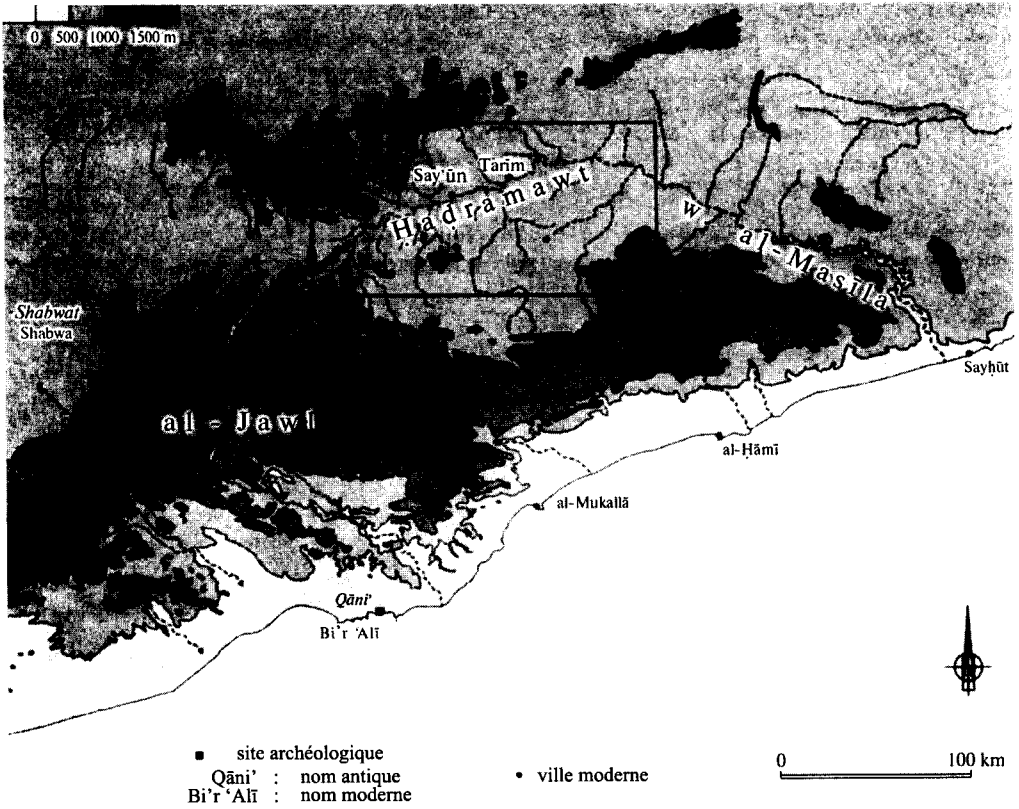
‘Али б. Ахмад б. Хасан ал-‘Аттās.
«Дуновение измельченного мускуса
из сообщений о вади Хадрамаут»¹

Райбун — это древний земледельческий оазис, находящийся к юго-западу от селения ал-Машхад в нижнем течении вади Дау‘ан, одного из западных притоков долины Хадрамаут. На его территории расположен обширный комплекс памятников древности, состоящий из городищ, отдельных храмов, некрополей и других археологических объектов (см. карты 1, 2, 3). На первый взгляд, вынесенная в заголовок проблема «открытия Райбүна»² поставлена не вполне корректно. Может показаться, что для местного населения не было необходимости открывать Райбун. Как и многие

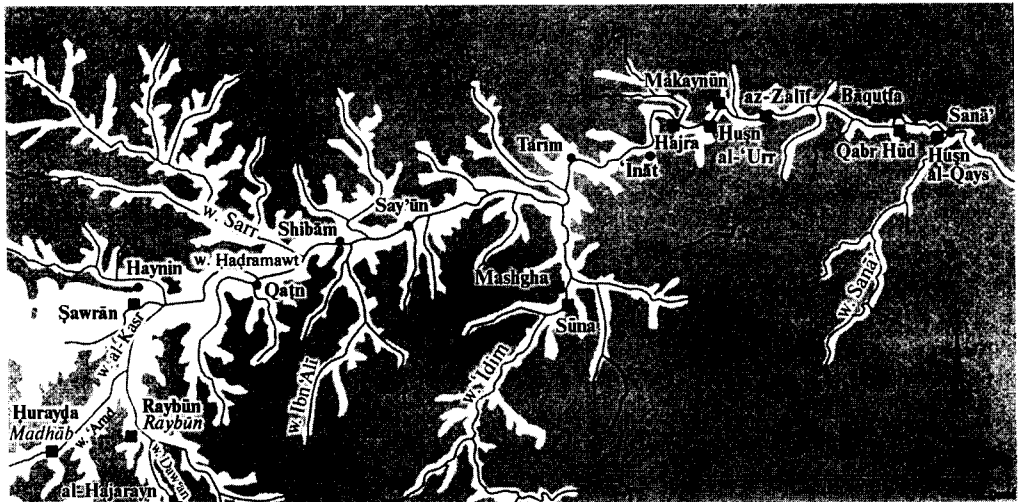
¹ Автор выражает благодарность М. А. Родионову, предоставившему в его распоряжение арабский текст этой цитаты, впервые опубликованной в русском переводе в: Родионов 1994. С. 45 (приведенный здесь перевод отличается небольшими стилистическими изменениями).

² Основные этапы исследования Райбуна были рассмотрены в: Грязневич 1996. С. 6–12. Однако особого внимания открытию и изучению его эпиграфики там уделено не было.

К ВОСТОКУ ОТ АДЕНА. ОАЗИС РАЙБҮН В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

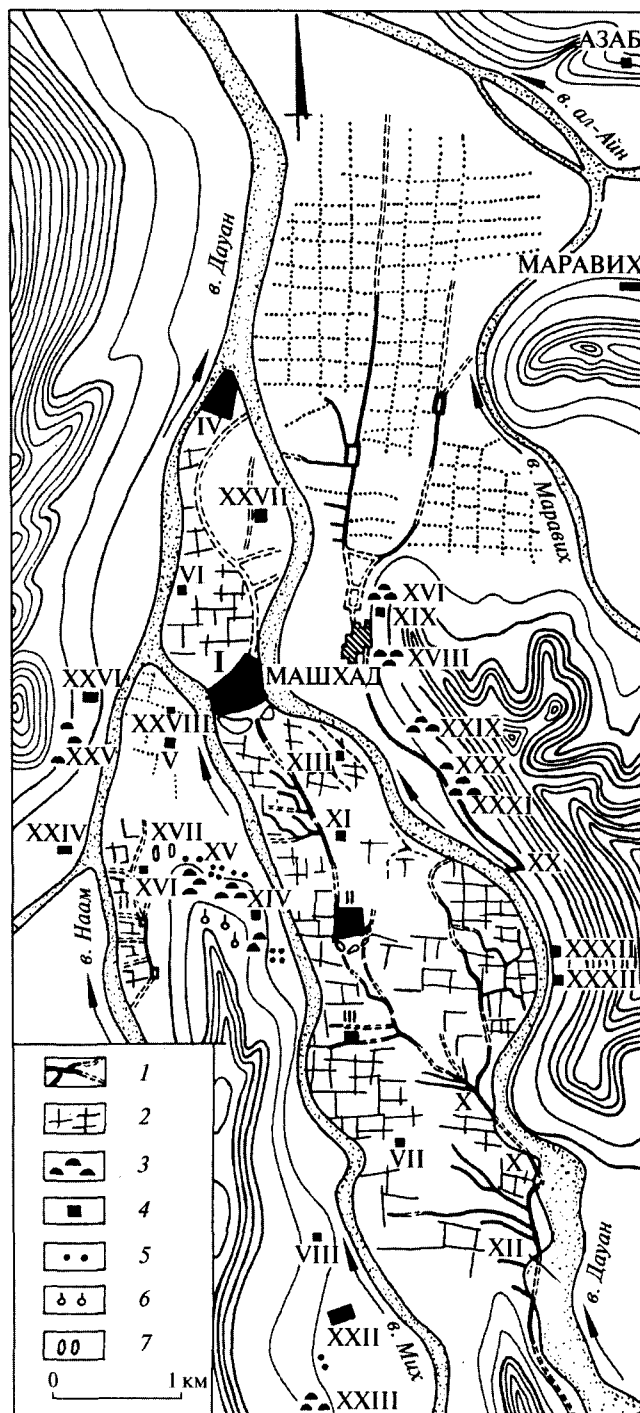

Карта 1. Историко-культурная область Хадрамаут (из: Frantsouzzoff 2001a, fasc. B, carte [1])

Карта 2. Основные поселения и городища Внутреннего Хадрамаута (из: Frantsouzzoff 2001a, fasc. B, carte [2])

ВВЕДЕНИЕ

Карта 3. Археологический комплекс Райбун (из: ТСОЙКЭ, II, с. 226)

К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н. э.

другие городища доисламской Южной Аравии, он сохранял свое подлинное имя в течение двух тысячелетий после того, как был окончательно разрушен и заброшен³. Обитатели окрестных селений в эпоху ислама были осведомлены и о том, что под лёссовыми холмами скрываются старинные развалины. Но сколь превратными, далекими от исторической действительности были их представления о том, кто возвел Райбун и населял его! Выбранная в качестве эпитафии цитата из сочинения *мансаба*⁴ Хурайды 'Али б. Ахмада ал-'Аттаса (1903–1988), опиравшегося на местную средневековую традицию, наглядно это показывает. Можно также обратиться к двум стихотворениям его знаменитого предка 'Али б. Хасана б. 'Абдаллаха б. Хусайна ал-'Аттаса (1122–1172/1710–1758), основателя *хауты* в ал-Машхаде, в которых воспеваются «крепость Райбун» (*حصن ريبون*)⁵, и заметить, что ни у центрального поселения Райбунского оазиса, ни вообще у какого-либо городища Внутреннего Хадрамаута в I тысячелетии до н. э. не было крепостных стен⁶. Таким образом, настоящую историю Райбуна предстояло открыть и тем из хадрамаутцев, для кого это имя было не в диковинку.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О РАЙБУНЕ

Европейцы впервые узнали о Райбуне из путевых записок барона Адольфа фон Вреде, опубликованных известным исследователем Аравии Генрихом фон Мальцаном. Достоверность этих записок ставилась под сомнение рядом ученых, пока к середине XX в. содержащиеся в них сведения не были в основном подтверждены специалистами⁷. Впрочем, историчность самого А. фон Вреде продолжает оставаться под вопросом. Так, по предположению М. А. Родионова, нельзя исключать, что настоящим автором приписываемого ему сочинения был сам Г. фон Мальцан, который мог получить уникальные сведения о Хадрамауте у выходцев из этой области во время посещения Мекки под видом паломника. Из этих записок явствует, что А. фон Вреде не удалось добраться до Райбуна: он был задержан местным правителем в селении Сйф, расположенном в вади Дау'ан примерно за 40 км до интересующего нас археологического комплекса, и вынужден был вернуться на побережье. А потому зафиксированные с чужих слов сообщения оказались весьма неточны. Это типично средневековые рассказы о возведенных из обтесанных камней 40 гробни-

³ О местных надписях, в которых засвидетельствован этот топоним, см. главу VI.

Для Йемена этот случай вполне типичен. Лишь благодаря упоминанию в *сйре* зайдитского имама ал-Мутаваккила Ахмада б. Сулаймана (532–566/1138–1171) топонима Нашпан (Madelung 1991. P. 37; Avanzini 1995. P. 12) и употреблению в сабейской надписи YM 11125/2 формы мн. ч. *'s2s2n* «нашпанцы» (Robin 2003. P. 569–572, 574–577) удалось установить, что название древнего города *Ns2n* в области ал-Джауф, которое прежде транскрибировалось как Нашан, произносилось с геминацией *ш*.

⁴ Так в Хадрамауте называют хранителя заповедной территории — *хауты*, где можно укрыться, в частности, от кровной мести. *Мансабы* принадлежали к двум высшим стратам средневекового хадрамаутского общества: *ас-сада* — сайидам (потомкам Пророка), как в данном случае, или *ал-машийих* (наследственным религиозным ученым). См. подробнее: Родионов 1994. С. 22–24.

⁵ Родионов 1994. С. 162–163 (русск. пер.), 195–198 (араб. текст).

⁶ Harding 1964. P. 41; Breton 1991. P. 75.

⁷ Arabien (Wissmann) 1965. S. 154; есть русск. пер.: Аравия (Лундин, Бауэр) 1981. С. 185; ср.: Родионов 1994. С. 8.

ВВЕДЕНИЕ

цах с надписями над входами, которые именуются *Турбат ал-мулук* (Torbet el Moluk), благодаря чему городище было ошибочно идентифицировано как царский некрополь⁸. Речь явно шла об описательном названии этих руин⁹, поскольку в 1893 г. проводником посетившего Райбун немецкого арабиста Лео Хирша такой топоним был совершенно не известен¹⁰.

Запискам А. фон Вреде мы обязаны укоренившимся в науке более чем на столетие искаженным названием этой местности — вадий Гайбун (*Wādīy Ghaybun*). Подобный фонетический вариант не засвидетельствован среди местных жителей, да и переход *ra'* в *zayn* или картавое «р» хадрамаутскому диалекту арабского не присущи. Однако с легкой руки фон Вреде (или фон Мальцана)¹¹ в труды многих археологов и ориенталистов Райбун попал как раз под именем Гайбун¹². В 60-е годы прошлого века в трудах некоторых немецких ученых этот топоним по неизвестным причинам превратился уже в Гайбун¹³ или ал-Гайбун¹⁴.

Первым европейским путешественником, посетившим Райбун, стал Лео Хирш. 13 июля 1893 г. он обследовал руины в “Wādī Ghaybūn” и пришел к заключению, что перед ним — остатки крупного поселения, а не некрополь. Его особое внимание привлекли многочисленные обломки известняковых плит с фрагментами южноаравийских текстов¹⁵: «... fand ich zahlreiche Bruchstücke eines mit himyarischen Charakteren bedeckten hellen Kalkgesteins, von denen ich eine Anzahl mit mir nahm und nach Berlin brachte»¹⁶.

В конце того же года британские исследователи, супруги Теодор и Мейбл Виргиния Анна Бент, прибывшие в селение ал-Хаджарайн с твердым намерением начать раскопки на Райбуне, столкнулись с противодействием ‘Абд ал-Мубарака Хамуда ал-Ку‘айтй, наместника ку‘айтийского султана в этой области, враждебно настроенного по отношению к европейцам, а также с отказом племени нахд, во владениях

⁸ Wrede (Maltzan) 1870. S. 101, 231.

⁹ Ср. с *Кубур ал-мулук* (Kubar al Moluk) у супругов Бент (Bent 1900. P. 141) и *Макйбир ал-мулук* у местных историков (ал-Бакрй 1956. С. 57). Их отождествление с городищем Райбун II (Грязневич 1996. С. 8) представляется небесспорным.

¹⁰ Hirsch 1897. P. 172.

¹¹ Подобное искажение может косвенно указывать на то, что А. фон Вреде не был автором приписываемых ему записок (если он вообще существовал), поскольку трудно себе представить, чтобы путешественник, владевший арабским, находясь достаточно близко от Райбуна и общаясь с жителями вадий Дау‘ан, допустил столь серьезную неточность в передаче достаточно простого в произношении топонима. Другое дело — Г. фон Мальцан, до которого сведения об этом оазисе могли прийти через вторые-третьи руки.

¹² Из поздних работ см.: Breton et al. 1980. P. 55, карта: Ghaybun (но ср.: Breton et al. 1980 (араб.). С. 59, карта, где в арабской графике топоним передан правильно: *ريبون*); Daum 1987, карта на задней стороне обложки: Al (sic!) Ghaybun.

¹³ Grohmann 1963. S. 19, 100, 141, 142, 157, 171, 188, 189, 275; цветная карта, вклеенная в конце книги (*von Wissmann II. Das vorislamische Arabien, 1 : 7 500 000*): Ġarbūn.

¹⁴ Wissmann 1962. S. 193.

¹⁵ Именно эта особенность Райбуна, имеющая прямое отношение к его богатому эпитафическому наследию, бросилась в глаза автору этих строк, когда он впервые посетил его 4 ноября 1998 г. Менее чем за полчаса поисков с поверхности холма, скрывавшего под собой развалины одного из местных храмов (Райбун VI), удалось собрать 16 фрагментов монументальных надписей (Rb VI/98 nn° 1–4, 7–18) и два обломка керамики с несколькими знаками (Rb VI/98 nn° 5, 6).

¹⁶ Hirsch 1897. S. 172. Дальнейшую судьбу увезенных им в Берлин фрагментарных надписей, судя по всему, довольно небольших по размеру и числу знаков, выяснить не удалось.

которого находились тогда эти руины, пропустить их на свою территорию¹⁷. В итоге супругам Бент пришлось ограничиться кратким посещением городища в сопровождении наместника, его воинов и нескольких находитов, в ходе которого они отметили наличие множества надписей, разбросанных прямо на его поверхности¹⁸. Им принадлежит честь публикации первой фотографии райбунского текста¹⁹. Вести раскопки им так и не позволили: не помогло даже вмешательство самого султана Салāха б. Муҳаммада ал-Ку'айтй²⁰. Тем самым детальное археолого-эпиграфическое изучение Райбүна было отложено на 90 лет. По странной иронии судьбы этот многострадальный топоним подвергся еще одному искажению под пером Мейбл Бент, издавшей после кончины своего мужа его путевые дневники. На сей раз он превратился в Raidoun²¹, видимо, по аналогии с упомянутым на соседней странице селением Қайдүн (Qaidoun)²² и широко распространенным в Йемене вообще и в Хадрамауте в частности топонимом Райда.

После супругов Бент ни один западный исследователь не посещал Райбүн до конца 20-х годов прошлого века. В 1929 г. полковник М. Дж. Боскейуин, остановившись в ал-Машхаде, побывал на городище, а также скопировал два текста, вмонтированных в стену местной мечети и явно происходивших с Райбүна. Копии были переданы им бельгийскому сабеисту Гонзагу Рикмансу, который вскоре опубликовал их под сиглами Boscawen 1 = Ry 51 (= RES 4064) и Boscawen 2 = Ry 52 (= RES 4065 = Ry 660)²³, положив начало научному изданию райбунской эпиграфики.

Детальное обследование Райбүна (Ghēbūn) провели 19 мая 1931 г. Давид ван дер Мелен и Герман фон Висманн во время своего знаменитого путешествия по Хадрамауту. Они составили планы и дали описание двух групп развалин, северной и южной²⁴, которые, скорее всего, соответствуют Райбүну I и Райбүну II²⁵. Однако некоторые утверждения Г. фон Висманна относительно этих городищ, например о существовании крепостной стены вокруг Райбүна II²⁶, оказались неверными. С большим опозданием были опубликованы фрагментарные надписи, собранные им на самом городище и обнаруженные на импровизированной выставке, которую саййидский род ал-'Аттās устроил в стене *сиқайи* («устройства, снабжающего водой») ал-Маш-

¹⁷ Сейчас трудно поверить в то, что до заключения «мира Инграмса» в феврале 1937 г. (см. о нем: Родионов 1994. С. 65–68) обитатели Хадрамаута, известные сегодня своей открытостью и расположением к иноземцам, отличались крайней ксенофобией, без сомнения, связанной с той «войной всех против всех», которую местные племена ввели до вмешательства англичан.

¹⁸ Bent 1900. P. 97–98, 101–102, 104–105.

¹⁹ Ibid., Appendix III: вклейка между с. 436 и 437, объект № 9 (небольшой фрагмент надписи). Привезенные ими копии четырех других надписей оказались в собрании Эдуарда Глязера в Австрийской Академии наук в Вене под сиглами GI A 727, 728, 790, 792 (Wissmann, Höfner 1952. S. 349 (131), Anm. 1), но так и остались неизданными, как и многие другие тексты из глязеровской коллекции.

²⁰ Bent 1900. P. 105, 141.

²¹ Ibid. P. 105, 141. Этому, вероятно, способствовало то, что М. В. А. Бент не владела арабским (Ibid. P. 122).

²² Ibid. P. 104.

²³ Второй из них, скопированный ранее супругами Бент, известен также под сиглом GI A 790 (см. выше примеч. 19).

²⁴ van der Meulen, Wissmann 1932. P. 84–87.

²⁵ Седов 1996а. С. 19–21; Грязневич 1996. С. 8.

²⁶ Wissmann, Höfner 1952. S. 348 (130), 349 (131): Abb. 15.

ВВЕДЕНИЕ

хада²⁷, вмонтировав туда несколько надписей²⁸. Хотя речь при этом не шла о строго научном издании (некоторые тексты были приведены только в виде факсимиле, другие — лишь в транслитерации)²⁹, немецкий географ пришел к правильному выводу о существовании в древнем Райбуне нескольких храмов, посвященных различным божествам, в частности богу Сийану и богине Зāt Химйам³⁰. Что же касается ошибочного отождествления богини ‘Астар³¹ (‘Астар³¹) с верховным южноаравийским богом ‘Астаром, то нужно учесть, что ее пол удалось определить на основании единственной надписи, найденной во время раскопок ее храма (Raybūn-Ḥaḍrān 213)³¹. Следует отметить, что вплоть до начала издания райбунских надписей, открытых СОЙКЭ (Советско-йеменской комплексной экспедицией), подборка Г. фон Висманна оставалась наиболее полной и представительной.

Краткие посещения Райбуна крупным деятелем британской колониальной администрации, выдающимся исследователем Южной Аравии Гарольдом Инграмсом в 1934 г.³² и его соотечественницей, знаменитой путешественницей Фреей Старк в 1935 г.³³ подвели черту под начальным этапом изучения памятников древности в этом оазисе.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЙБУНА АРХЕОЛОГАМИ И ЭПИГРАФИСТАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х — КОНЦЕ 70-х гг. XX в.

Экспедиция Каирского университета, возглавляемая географом Сулайманом Ахмадом Хузаййином, в сентябре 1936 г. и британская археологическая миссия под руководством Гертруды Кейтон-Томпсон, предпринявшая первые в Йемене научные археологические раскопки на городище Хурайда в вади ‘Амд с конца декабря 1937 г. по 3 марта 1938 г., ознаменовали новый этап в исследовании Райбуна. Теперь инициатива перешла от отдельных путешественников, оказывавшихся там, как правило, случайно, к научным коллективам, приступившим к планомерному изучению южноаравийских древностей. Во время работ на Райбуне С. А. Хузаййин обнаружил фрагмент текста, который был доставлен на кафедру географии филологического факультета Университета Фуада I в Каире и позже издан египетским сабеистом Халилом Йахйей

²⁷ Там некогда находился источник, над которым было возведено особое сооружение, сохранившееся до наших дней (см. ил. 1), но не используемое как *сиқайя* с тех пор, как рядом была пробурена скважина, из которой насосом вода подается в своего рода фонтан, служащий новой *сиқайей*.

²⁸ Сегодня этих надписей, находившихся там еще в 80-е гг., нет: то ли они скрыты под толстым слоем *пұры* (известки), то ли их просто выломали, заложив пустоты другими камнями. Зато в одном из машхадских домов устроен небольшой лапидарий, куда представители рода ал-‘Артās за небольшую мзду пускают туристов.

²⁹ Wissmann 1968. S. 41, 42: Abb. 3; S. 43.

³⁰ Ibid. S. 43. См. о них в главе IV.

³¹ См. подробнее главу IV. Все опубликованные Г. фон Висманном тексты, в которых упоминается эта богиня (или ее имя с уверенностью реконструируется), переизданы под сиглами Raybūn-Ḥaḍrān 452, 454–458.

³² Ingrams 1943. P. 182–183, 217.

³³ Stark 1936. P. 166–167.

К ВОСТОКУ ОТ АДЕНА. ОЛЗИС РАЙБҮН В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Намй (Na NNSQ 81)³⁴. Посещение Райбұна (Gheibun) 6 марта 1938 г. Г. Кейгон-Томпсон на обратном пути в Аден было связано с ее намерением сравнить Хурайду с другими хадрамаутскими городищами³⁵. Среди обломков керамики она обнаружила один с фрагментарной надписью (СТ 83). Этот тип эпиграфических памятников был ранее засвидетельствован при раскопках Хурайды³⁶.

Вторая мировая война существенно затормозила археологическое и эпиграфическое изучение находившегося под британским контролем Южного Йемена. После длительного перерыва, перед Рождеством 1959 г., крупнейший сабеист-лингвист англичанин Альфред Бистон во время своего путешествия по протекторатам Южной Аравии проследовал через Райбұн и обнаружил там несколько фрагментов текстов, а также керамическое изделие с клеймами³⁷.

В июле–декабре 1959 г. и апреле–сентябре 1960 г. Джеральд Ланкестер Хардинг, проводя детальное обследование южноиеменских памятников древности на территории Аденских протекторатов по просьбе британской колониальной администрации, уделил внимание трем райбунским городищам ('Адййат ас-Султан, собственно Райбұну, позже получившему обозначение Райбұн I, и одному безымянному) и местным некрополям. Он установил, наконец, правильное произношение данного топонима и выявил отсутствие какой-либо крепостной стены у этих городищ³⁸. Им были опубликованы представительная подборка райбунской керамики³⁹ и четыре фотографии обнаруженных в подсыемке фрагментарных надписей⁴⁰.

Экспедиция Гуса У. Ван Бика, в состав которой входил известный бельгийский сабеист, большую часть жизни проработавший в США, Альбер Жамм, во время археологической разведки территории Хадрамаута, продолжавшейся почти три с половиной месяца (с 15 ноября 1961 г. по 25 февраля 1962 г.), изучила остатки доисламской ирригационной системы в низовьях вадии Дау'ан и пришла к заключению, что Райбұн был основан в XI–IX вв. до н. э. и, следовательно, представляет собой одно из древнейших сельскохозяйственных поселений южноаравийской цивилизации⁴¹. Позже этот вывод был в основном подтвержден в ходе работ СОЙКЭ А. В. Седовым⁴².

Буквально за несколько лет до СОЙКЭ, в 1978–1979 гг., Райбұн обследовала Французская археологическая миссия в Народной Демократической Республике Йемен во главе с Жан-Франсуа Бретеном. Полученные ею результаты оказались весьма значимыми: подробно изучена древняя техника строительства местных сооружений из необожженного кирпича с использованием деревянного каркаса на каменном цоколе, проведены рекогносцировочные изыскания на руинах крупного храма, расположен-

³⁴ Райбунское происхождение алтаря с надписью Na NNSQ 80 = RES 4185 = Ry 620, подаренного С. А. Хузаййину саййидом Абу Бакром ал-Кафом (см.: Намй 1943. С. 107), представляется сомнительным.

³⁵ Caton Thompson 1944. P. XII.

³⁶ Ibid. P. 119, 177–180.

³⁷ Bceston 1962a. P. 43–45, fig. a, b.

³⁸ Harding 1964. P. 6, 28–30. Pl. XIV: 4–5, XV, XIX: 1–4.

³⁹ Ibid. P. 30–32. Pl. XVI–XVII, XVIII: 21–49, XIX: 31–49, 51, XX: 1–23, XXI: 1–27, 29, 35, XXII: 1–12, XXIII: 1–12.

⁴⁰ Ibid. Pl. XXIII: 32–35.

⁴¹ Van Beek et al. 1964. P. 539; Van Beek 1969. P. 79, 92, 98, 321, 355, 367.

⁴² См., например: Sedov 1996. P. 69–86.

ВВЕДЕНИЕ

ного в 1,5 км к югу от центрального поселения оазиса (Райбун XIV, раскопанный позднее советскими археологами), собрана значительная коллекция керамики и эпиграфических материалов⁴³. К сожалению, из 51 текста, найденного на Райбуне французскими археологами, только два были изданы с переводом Кристианом Жюльеном Робеном⁴⁴, да фотографии еще пяти (четыре из которых выполнены на керамике) опубликованы без каких-либо пояснений⁴⁵.

РАСКОПКИ РАЙБУНА СОВЕТСКО-ЙЕМЕНСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ

К началу 1980-х годов, когда дружественные отношения между Советским Союзом и его стратегическим союзником Народной Демократической Республикой Йемен, твердо придерживавшейся курса социалистической ориентации, вышли на новый уровень, было решено дополнить сотрудничество в экономической и военной областях⁴⁶ крупным проектом в сфере гуманитарных наук⁴⁷. Одним из его инициаторов выступил П. А. Грязневич, один из ведущих арабистов ЛО ИВАН СССР, яркий представитель школы академика И. Ю. Крачковского⁴⁸. К тому времени он обладал уникальным опытом полевых исследований в Северном Йемене. В 1966–1967 гг. П. А. Грязневич впервые побывал в Йеменской Арабской Республике (ЙАР) в качестве переводчика группы советских врачей, работавших в Сане, и на свой страх и риск в условиях гражданской войны объездил ее окрестности в поисках памятников древности и средневековья. При публикации найденных им материалов, в том числе 47 южноаравийских надписей⁴⁹, по его настоянию был впервые применен метод комплексного изучения йеменских городищ, который позволил преодолеть основной недостаток предшествующей сабейстики, отличавшейся чисто филологическим подходом к древним надписям, вырванным из археологического и историко-географического контекста. В ноябре 1970 — мае 1971 г. он вновь проводил полевые

⁴³ Breton et al. 1980. P. 3, 18–21, 40–41, 44, 61: pl. III (вверху); p. 70: pl. VII; p. 71: pl. VIII; p. 97: pl. VII; p. 98: pl. VIII; Breton et al. 1980 (араб.), с. 9, 27–31, 52, 55, 65: pl. III (вверху); с. 74: pl. VII; с. 75: pl. VIII; с. 101: pl. VII; с. 102: pl. VIII.

⁴⁴ Breton et al. 1980. P. 103: pl. I (Raybün 1); p. 104: pl. II (Raybün 6); Breton et al. 1980 (араб.), с. 107: pl. I (Райбун 1); с. 108: pl. II (Райбун 6). Следует подчеркнуть, что вторая из этих надписей имеет первостепенное значение для реконструкции заключительного этапа истории Райбуна (см. главу VI).

⁴⁵ Breton et al. 1980. P. 99: pl. IX/4–7; фотография на задней стороне обложки; Breton et al. 1980 (араб.), с. 103: pl. IX/4–7; фотография на задней стороне обложки.

⁴⁶ Об экономическом сотрудничестве СССР и Южного Йемена см., в частности: Наумкин 1984. С. 217–219.

⁴⁷ Интерес к подобным проектам явно свидетельствовал о наступлении периода имперской зрелости в развитии СССР. Интересно, что даже те, кто негативно оценивает советский проект, например Л. Б. Алаев (ИВ РАН) в своем выступлении на III съезде Всероссийского общества востоковедов, состоявшемся в пансионате «Балтица» под Санкт-Петербургом в начале сентября 2002 г., вынуждены признавать, что руководство СССР с конца 1940-х годов поддерживало не только практическое, но и классическое востоковедение (последнее, по мнению Л. Б. Алаева, из соображений «имперского престижа»).

⁴⁸ Краткий обзор жизненного и научного пути П. А. Грязневича см. в: Французов 1996.

⁴⁹ ЮА, 1.

исследования в Йемене, уже в качестве стипендиата ЮНЕСКО⁵⁰. К концу 70-х годов П. А. Грязневич, переориентировавший свои основные интересы на изучение исторической географии Йемена, обратился к южной части этой страны, объединившейся после падения британского колониального господства в единое государство — Народную Республику Южного Йемена (с 30 ноября 1970 г. — НДРЙ), под руководством марксистской партии быстро налажившей куда более прочные связи с СССР, чем ЙАР. Еще в 1971 г. Президиум АН СССР принял принципиальное решение об организации археологической экспедиции для регулярных полевых изысканий на территории НДРЙ. В рамках подготовки этого проекта археолог С. С. Ширинский (Институт археологии АН СССР) дважды выезжал в эту страну, в 1972 и 1980 гг., и проводил в некоторых ее районах археологическую разведку⁵¹. В 1980 г. он вместе с П. А. Грязневичем, сопровождавшим его в качестве переводчика, раскопал некрополь небольшого городища Шука', расположенного к северо-востоку от города ад-Дали', и обнаружил там интереснейшие скульптуры и надписи, характерные для одного из периферийных вариантов культуры Катабана⁵².

В 1981 г. специальная делегация АН СССР во главе с директором Государственного Эрмитажа, членом Президиума АН СССР, академиком Б. Б. Пиотровским прибыла в Аден для заключения соглашения о создании совместной экспедиции и определения района ее будущих работ. Во время посещения Хадрамаута, официально именовавшегося тогда Пятой провинцией НДРЙ, Б. Б. Пиотровский и Р. М. Мунчасв (в те годы — зам. директора Института археологии) остановили выбор на Райбуне как на одном из крупнейших и хорошо сохранившихся комплексов археологических памятников в этой области. Кроме того, окрестные селения располагали достаточными трудовыми ресурсами для проведения раскопок. 26 сентября 1981 г. соглашение об организации совместной советско-йеменской экспедиции для изучения истории и культуры Хадрамаута, Махры и острова Сокотра было подписано в Адене. По настоянию П. А. Грязневича, также входившего в состав делегации АН СССР, новая экспедиция стала комплексной, а не просто археологической, как планировалось вначале.

27 августа 1982 г. Совет министров СССР принял решение создать Советско-йеменскую комплексную экспедицию и выделить ей финансирование сверх обычного бюджета Академии наук. На этом основании Президиум АН СССР в своем постановлении от 1 сентября 1982 г. определил задачи СОЙКЭ и основные направления ее деятельности, поручив научное руководство экспедицией Б. Б. Пиотровскому. Приказом директора Института востоковедения АН СССР академика Е. М. Примакова от 20 сентября 1982 г. за № 25 была установлена ее структура и назначен начальник — П. А. Грязневич. 8 февраля 1983 г. Бюро Отделения истории АН СССР утвердило состав ученого совета экспедиции и, наконец, 10 января 1984 г. Положение о СОЙКЭ подписал директор ИВАН. Работы экспедиции продолжались с 1983 по 1991 г. — девять полевых сезонов.

⁵⁰ К сожалению, публикация материалов второй экспедиции П. А. Грязневича (включающая ок. 300 надписей) была задержана на четверть века (ЮА, 2/1, 2/2) по идеологическим причинам (из-за отъезда одного из его соавторов, Я. Б. Грунтфеста, в Израиль), в результате чего наш приоритет в изучении целого ряда труднодоступных районов Йемена был утрачен. См. об этом подробнее: Frantsouzzoff 1997a.

⁵¹ Отчет о первой поездке С. С. Ширинского опубликован на арабском языке: Ширинский 1975.

⁵² Частично изданы в: Frantsouzzoff 1997b. P. 170 (нем. пер. — S. 335–336; nn° 285, 286).

ВВЕДЕНИЕ

Комплексный характер СОЙКЭ⁵³ был заложен в ее структуре. Экспедиция состояла из трех отрядов:

— археологического, начальниками которого последовательно являлись: в 1983 г. — крупный специалист по археологии Средней Азии Г. А. Кошеленко; в 1984–1986 гг. — Х. А. Амирханов, область интересов которого охватывала каменный век; в 1987–1991 гг. — А. В. Седов, пришедший в Йемен из среднеазиатской археологии;

— историко-культурных исследований, во главе которого стояли П. А. Грязневич в 1983–1989 гг. и М. Б. Пиотровский в 1990–1991 гг. Задачи этого отряда заключались, главным образом, в изучении исторической географии Хадрамаута и памятников его исламской истории;

— этнолингвистического, бессменным руководителем которого оставался В. В. Наумкин. Деятельность отряда включала в себя три разных направления:

- 1) изучение бесписьменных современных южноаравийских языков махри и сокотри и традиционной культуры их носителей (исследования проводили В. В. Наумкин и В. Я. Порхомовский);
- 2) этнографические изыскания, преимущественно в западной части Внутреннего Хадрамаута (М. А. Родионов, П. И. Погорельский, С. Н. Серебров, отчасти — А. Д. Кныш);
- 3) исследования по физической антропологии населения Хадрамаута (И. И. Гохман и Ю. К. Чистов)⁵⁴.

СОЙКЭ была по-настоящему совместной экспедицией, в которой советские специалисты работали бок о бок с йеменскими. Она послужила прекрасной школой для нового поколения йеменских археологов и этнологов, среди которых следует упомянуть 'Абд ал-'Азйза Джа'фара Бин 'Ақйла, ученика П. А. Грязневича, вот уже много лет занимающего ответственный пост генерального директора Хадрамаутского отделения Генеральной организации древностей и музеев Йемена, его сотрудника Мухаммада Бā Махраму, а также Ахмада Бā Тāйи', недавно ставшего ректором Аденского университета. Огромную бескорыстную помощь экспедиции оказывали 'Абд ал-Қāдир Мухаммад ас-Ѕаббāн, возглавлявший в те годы местное отделение Йеменского центра культурных исследований, древностей и музеев в г. Сай'ун, сотрудник местной администрации в Хурайде Хасан Бā Тāйс, энтузиаст-краевед Хусайн ибн Шайх Бū Бакр и многие другие.

В этой монографии нет возможности останавливаться на всех аспектах работы СОЙКЭ, внесшей значительный вклад в отечественную гуманитарную науку. Она еще ждет своего историка. И все же было бы неправильно не затронуть здесь один достаточно сложный вопрос, остро вставший к концу полевого сезона 1989 г. Заслуги П. А. Грязневича в организации СОЙКЭ неоспоримы и огромны. Не будет преувеличением сказать, что без него экспедиция не состоялась бы и уж, по крайней мере, никогда не обрела бы тот междисциплинарный размах, который стал ее главной отличительной чертой. Но неправильно на этом основании замалчивать некоторые черты авторитаризма, проявившиеся в его деятельности на посту начальника СОЙКЭ. Наверное, кое в чем такой стиль был даже полезен для общего дела. Да и не мог человек его

⁵³ В составе экспедиции на протяжении нескольких полевых сезонов проводила исследования даже палинолог (специалист по ископаемой пыльце) Г. М. Левковская из Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР. Полученные ею результаты помогли установить, какие культурные растения выращивали обитатели Райбуна (см.: Левковская 1996).

⁵⁴ Фотографии некоторых из членов СОЙКЭ см. на ил. 2–4.

поколения и судьбы руководить иначе. Однако несколько видных членов экспедиции не готовы были больше с этим мириться. На историческом заседании Ученого совета СОЙКЭ, состоявшемся в июне 1989 г. под председательством заведующего ЛЮ ИВАН СССР Ю. А. Петросяна в его кабинете, П. А. Грязневич принял непростое для себя, мужественное решение об отставке. В Йемен ему не суждено было больше поехать... По его предложению новым начальником экспедиции стал М. Б. Пиотровский, но только на один полевой сезон. Из-за перехода на новую работу — в Государственный Эрмитаж — после кончины отца (сначала — в качестве зам. директора по научной работе, а затем и директора) он вынужден был отойти от дел СОЙКЭ. И тогда бразды правления принял у него А. В. Седов, к тому времени получивший международную известность как один из крупнейших специалистов по хадрамаутской археологии.

Эпиграфические исследования в СОЙКЭ осуществлялись исключительно в рамках археологического отряда. Из двух мест, где экспедицией проводились регулярные раскопки: на Райбуне и на городище Би'р 'Али (древний порт Қани'), — южноаравийские надписи были найдены лишь на Райбуне⁵⁵, причем преимущественно среди развалин храмов. В 1983 г. был раскопан относительно небольшой храм Ҳадрән (Райбун I, зд. 1; см. ил. 5) местной богини 'Астар^{ym}/'Астар^{ym} с 451 надписью (Raybūn-Ḥadrān 1–451)⁵⁶, в 1984 и 1987–1990 гг. — храм Рахбән (Райбун I, зд. 2–4; см. ил. 6) богини Зәт Ҳимйам с почти 800 надписями, в 1988 и 1991 гг. — храм той же богини (Райбун V; см. ил. 7), первоначально называвшийся Кафас, а позднее — На'ман, с 298 надписями (Raybūn-Kafas/Na'mān 1–61, 61 bis, 62–95, 95 bis, 96–162, 162 bis, 163–295) и в 1987–1991 гг. — храм Майфа'ән бога Сийәна (Райбун XIV; см. ил. 8) с более чем 1100 надписями. Для сравнения укажем, что в одном из двух раскопанных жилых домов поселения Райбун I (зд. 6) было обнаружено всего десять текстов⁵⁷, а в другом (зд. 5) — два⁵⁸. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев речь шла о мелких и мельчайших фрагментах, содержащих один или несколько знаков, зачастую поврежденных, но среди этих эпиграфических находок насчитывалось, по крайней мере, полсотни достаточно крупных полных или фрагментарных текстов (в основном происходящих из храмов Рахбән и Майфа'ән), содержащих уникальные сведения по грамматике малоизученного хадрамаутского языка, особенностям местного религиозного культа, а иногда — и по социальному строю обитателей Райбуна.

Кроме того, СОЙКЭ проводила широкомасштабную археологическую разведку в окрестных районах Внутреннего Хадрамаута, главным образом в вади Дау'ан и вади ал-'Айн. Однако с эпиграфической точки зрения наиболее интересным оказалось несколько более удаленное от Райбуна городище Би'р Ҳамад⁵⁹, расположенное в месте

⁵⁵ Қани', крупнейший порт Хадрамаутского царства в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э., не была культовым центром и, видимо, по этой причине оказалась лишена каких-либо эпиграфических памятников, за исключением нескольких южноаравийских граффити и небольших фрагментов текстов на штуркатурке (Lundin 2010) и греческой надписи, явно оставленной заезжим купцом (Виноградов, Седов 1989).

⁵⁶ Еще семь надписей, изданных под этим же сиглом (Raybūn-Ḥadrān 452–458), были найдены гораздо раньше, но локализованы в этом же храме. Фотографию руин храма перед началом раскопок см. также в: Frantsouzoff 2001a, fasc. В. Pl. А.

⁵⁷ Лундин 1996.

⁵⁸ Их описания и фотографии опубликованы в: Акопян 1995. С. 74–75, рис. 8, 9. Следует также отметить, что с некрополей Райбуна происходят единичные гробничные тексты.

⁵⁹ Древнее название этого поселения пока остается неизвестным.

ВВЕДЕНИЕ

слияния вади Духр и Рахйа, как раз на границе пустыни Рамлат ас-Саб'атайн (в средние века известной как Сайхад) и вади Хадрамаут. Именно там в 1984 г. в ходе сбора подъемки была найдена самая большая в истории СОЙКЭ, после райбунской, коллекция эпиграфических материалов, происходящих с одного городища, которая насчитывает 78 надписей (Bi'r Hamad 1–78) и 12 блоков без текста с клеймами резчиков на боковых гранях (Bi'r Hamad 79–90). Особого внимания заслуживает поразительное сходство текстов из Би'р Хамада с райбунскими, как по палеографии, так и по формуляру.

В итоге общее количество обнаруженных СОЙКЭ надписей как на Райбунс, так и за его пределами превысило три тысячи.

В течение первых двух полевых сезонов единственным эпиграфистом в составе СОЙКЭ был московский сабеист Г. М. Бауэр (1925–1989), сын советского дипломата, фронтовик, закончивший войну в звании майора артиллерии, сравнительно поздно пришедший в науку (см. ил. 9)⁶⁰. С П. А. Грязневичем его связывала многолетняя работа по изданию около полутора сотен надписей, найденных в 1970–1971 гг. преимущественно в Барāқише (древнем Йасилле) и переданных ему для повторной обработки после отъезда Я. Б. Грунтфеста в Израиль⁶¹. С тщательностью бывшего артиллериста он рисовал кроки и копировал тексты, особое внимание уделяя замерам знаков, расстояний между ними и межстрочных расстояний. Не будет преувеличением сказать, что без эпиграфических дневников Г. М. Бауэра полноценное изучение палеографии райбунских надписей было бы невозможным. Он и сам явно планировал при публикации обнаруженных СОЙКЭ текстов сосредоточиться именно на их палеографическом анализе... Неожиданный инфаркт на два года оторвал его от экспедиции⁶². Но в 1987 г. вопреки рекомендациям врачей он вновь отправился на Райбун. Еще три полевых сезона он продолжал работать под палящим солнцем и ворочать тяжелые плиты с надписями. Увы, это не прошло для него бесследно: 8 октября 1989 г. Г. М. Бауэр скоропостижно скончался в Москве от очередного инфаркта.

С 1987 г. СОЙКЭ пополнилась еще одним эпиграфистом-сабеистом А. Г. Лундиным (1929–1994)⁶³ из ЛО ИВАН СССР (см. ил. 10), выросшим в семье учителей и в 1951 г. окончившим восточный факультет ЛГУ в составе, пожалуй, самого блестящего выпуска арабистов за все послевоенные годы. В 1954–1957 гг. он обучался в аспирантуре ЛО ИВАН под руководством выдающегося отечественного сириолога и специалиста по раннесредневековому Ближнему Востоку, члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской, которая целенаправленно ориентировала его научные интересы на изучение языков, истории и культуры древней Южной Аравии. Верность учителю он пронес через всю

⁶⁰ Основные вехи его научной биографии с упором на его вклад в эфиопистику представлены в: Frantsouzzoff 2003a.

⁶¹ См. выше примеч. 50 на с. 18. «Нет необходимости особо подчеркивать полную профессиональную самостоятельность работы, проделанной Г. М. Бауэром, высококвалифицированным семитологом, сабеистом-историком, получившим признание своих коллег в нашей стране и за рубежом. Выполненное им и по объему, и по скрупулезности историко-филологического анализа текстов значительно превосходит то, что было сделано Я. Б. Грунтфестом» (ЮА, 2/1. С. 6–7). На этом материале Г. М. Бауэр готовил докторскую диссертацию, но так и не успел ее защитить. Переведенные и откомментированные им надписи были опубликованы почти через десять лет после его кончины (ЮА, 2/2).

⁶² К счастью, именно в 1985–1986 гг. археологический отряд СОЙКЭ занимался раскопками двух жилых домов на городище Райбун I, которые оказались чрезвычайно бедны эпиграфическими материалами (см. выше примеч. 57, 58 на с. 20).

⁶³ См. о нем: Французов 1994б; Родионов 1995; Robin 1995; Frantsouzzoff 2007с.

К ВОСТОКУ ОТ АДЕНА. ОАЗИС РАЙБҮН В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

жизнь, чем отнюдь не облегчил свой путь в науку. Парадоксально, но А. Г. Лундин, приобретя заслуженную известность за рубежом⁶⁴, куда большую, чем Г. М. Бауэр, так и не снискал должного авторитета среди своих коллег по Арабскому кабинету, ибо они перенесли на него, быть может подсознательно, то иронично-снихождительное чувство, которое вызывала у них Н. В. Пигулевская⁶⁵. Надо ли говорить, что отношения А. Г. Лундина с П. А. Грязневичем, да и с Г. М. Бауэром были далеки от идиллических.

Впрочем, следует признать, что вначале Райбүн вызвал у А. Г. Лундина глубокое разочарование. Он ждал от Южной Аравии больших текстов исторического или правового содержания. Мелкие и мельчайшие фрагменты его практически не интересовали. По собственному признанию, в палеографии он не разбирался. Отсюда — записи в его дневнике, такие как эта, появившаяся 16 ноября 1991 г. во время завершающей стадии раскопок храма Кафас/На'ман: «Наверное, Юра прав и всю эту мелочь брать и описывать ни к чему. И меня Глеб и Батайя зря смутили, и зря мы натащили эти тысячи в музей. В Сане таких вещей нет. Но уж начато — нужно продолжать»⁶⁶. Однако стоило случиться действительно интересной находке, как безразличие сменялось энтузиазмом. «Вот и произошло то, чего я ждал столько времени и на что уже и не надеялся: из 8 плит кладки, сильно поврежденных, обожженных, разрушенных, сложилась целая надпись. И надпись, нужно отметить, характерная для Райбуна: со связью храмов, с передачей обязательств отца, с посвящением фалла — и без всякого конкретного содержания. В общем, типичный образец. Кстати, типичный и по формуляру, и по словоупотреблению»⁶⁷, — отметил он в дневнике 29 ноября 1991 г. А вот как оценил А. Г. Лундин открытие нескольких новых документов на дереве 13 февраля 1989 г.: «Вот сегодня — находка года. 6 палок, из них 4 целых, и довольно больших, особенно две. И, кажется, они будут читаться, если позволит Аллах. В общем, крайне интересно. Я даже забыл свою надпись. А она хорошо сложилась и будет, может быть, интересной. Хотя пока — чисто вводная часть.

Да в этом году экспедиция уже удалась. Хотя прошла лишь четверть времени и всего 10 дней работ на Райбуне»⁶⁸.

⁶⁴ Оттому в значительной мере способствовало то, что уже с начала 60-х годов он стал регулярно публиковаться за границей, преимущественно на французском, благодаря бескорыстной помощи своего друга профессора Жака Рикманса из Лувена (Бельгия), который переводил его статьи или серьезно правил их в языковом отношении.

⁶⁵ «Ливер есть у всякой птицы,
Лундин верен Пигулице», —

Если бы все оставалось на уровне этого забавного двустишия из «Азбуки Арабского кабинета»! Увы, есть основания полагать, что А. Г. Лундина так и не оценили по достоинству за долгие годы его работы в нашем учреждении. Кроме того, из-за контактов его матери с дальним родственником в США он оказался вплоть до перестройки невъездным.

⁶⁶ Юра — Юрий Алексеевич Виноградов, один из ведущих археологов СОЙКЭ, сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне — ИИМК РАН); Глеб — Глеб Михайлович Бауэр; Батайя — Ахмад Ба'Тайи'; музей — лапидарий археологического музея в бывшем дворце султанов ал-Касйрй в г. Сай'ун.

⁶⁷ Речь идет о надписи Raubün-Kafas/Na'mān 148, содержание которой оказалось вполне конкретным и очень важным для понимания религиозных верований обитателей не только Райбуна, но и всей древней Южной Аравии (см. главу IV).

⁶⁸ Под «своей надписью» А. Г. Лундин имел в виду действительно очень интересный и не типичный для Райбуна текст Rb XIV/89 n° 221 = СОЙКЭ 2075 (издан в: Французов 1998. С. 132–143, рис. 8; фотография периздана в: Frantsouzzoff 2004. P. 220: fig. 48; Frantsouzzoff 2005a. P. 18: pl. 2, fig. 8). См. главу VI.

ВВЕДЕНИЕ

Следует отметить, что наряду с монументальными надписями, чаще всего высеченными на известняковых плитах и блоках регулярным южноаравийским письмом, на Райбуне были найдены 22 черенка пальмовых листьев с текстами, выполненными различными разновидностями минускульного шрифта⁶⁹. Это — единственная находка таких документов в результате легальных археологических изысканий, доказывающая, что они были распространены по всему древнему Йемену, а не только в Нашпâne, откуда, по-видимому, происходят остальные несколько тысяч эпиграфических памятников этого типа⁷⁰.

Дневники А. Г. Лундина, отвечавшего за фиксацию надписей храма Майфа'ан, а в 1990–1991 гг. — также Рахбан и Кафас/На'ман, не отличаются той тщательностью в копировании надписей, полнотой и точностью замеров, которые были характерны для Г. М. Бауэра. Складывается впечатление, что он успевал описывать не все найденные тексты, особенно если речь шла о фрагментах, оставшихся в выемке и не поступавших в Сай'унский музей, куда в конце каждого полевого сезона сдавали на хранение эпиграфические находки СОЙКЭ. Впрочем, полностью обмерять и копировать выемку не удавалось и Г. М. Бауэру при всем его педантизме. Оба были слишком загружены камеральной работой и далеко не всегда имели возможность работать непосредственно на раскопах.

После скоропостижной смерти Г. М. Бауэра судьба находившихся в его распоряжении эпиграфических дневников и фотоматериалов с надписями оставалась неизвестной, пока в начале 90-х годов его вдова не вернула то, что ей удалось обнаружить, П. А. Грязневичу. Однако лакуны в этой документации, особенно среди фотодокументов, оказались значительными. В конце 1994 г. вскоре после того, как пострадавший в результате несчастного случая А. Г. Лундин скончался 12 октября в ожоговом центре, выяснилось, что и в его архиве с дневниками и фотографиями дело обстояло не лучше. Так, полностью отсутствовали описания 354 текстов, найденных при раскопках Майфа'ана в 1987 г., а фотографии имелись лишь на полсотни из них. При этом данные по извлеченным из них именам нарицательным и собственным были внесены в его картотеку, а значит, при ее составлении он пользовался соответствующим дневником, позже утраченным. Задача восполнения подобных лакун встала в 90-е годы перед автором этих строк.

⁶⁹ Пока удалось истолковать три хадрамаутских текста на дереве из находок СОЙКЭ, которые подпали прочтению во многом благодаря тому, что их шрифт незначительно отличается от монументального. Два из них изданы (Бауэр, Акоюн, Лундин 1990; Frantsouzoff 1999a), третий готовится к публикации.

⁷⁰ К 2009 г., когда вышло 1-е издание этой книги, было опубликовано менее трех десятков йеменских документов на дереве. Большая их часть (16 текстов) издана в: Ruykmans J., Müller W., Abdallah 1994. Остальные появлялись в отдельных статьях, ссылки на которые сведены вместе в двух обзорах: Франпузов 2000a. С. 28–30, примеч. 3; Robin 2001. P. 530–531. Оба эти списка следует дополнить публикациями, по крайней мере, еще четырех документов: Weninger 2001; Stein 2004; Al-Said, Weninger 2004. О текстах на палочках и черенках и их дешифровке см. также: Beeston 1989; Лундин 1995; Лундин 1998.

Общее число документов, выполненных на дереве минускульным письмом, достигает нескольких тысяч, большая часть которых хранится в Санском университете. За пределами Йемена два крупнейших собрания этих памятников южноаравийской письменности, находящиеся в Баварской государственной библиотеке (Bayerische Staatsbibliothek) в Мюнхене и в Восточном институте (Oosters Instituut) Лейденского университета, насчитывают в своем составе соответственно ок. 800 и ок. 300 единиц хранения, причем в первом из них каталогизировано только 589 текстов (Stein 2003a. P. 267, 272: п. 2). По меньшей мере, еще несколько десятков документов этого типа оказалось в европейских частных коллекциях.

Новый этап в изучении этого типа документов начался в 2010 г., когда были изданы 205 текстов Барварской государственной библиотеки (Stein 2010).

К ВОСТОКУ ОТ АДЕНА. ОАЗИС РАЙБУН В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РАСКОПОК РАЙБУНА РОССИЙСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ В ЙЕМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Когда 22 мая 1990 г. ЙАР и НДРЙ объединились в одно государство, вопрос об изменении статуса СОЙКЭ встал на повестку дня. Но через полтора с небольшим года прекратил свое существование СССР. 19 декабря 1991 г., завершив последний полевой сезон на юге Аравии, члены СОЙКЭ отбыли из Адена в Москву. Нужно отдать должное ее последнему начальнику А. В. Седову: в условиях всеобщего развала, охватившего нашу страну в начале 90-х годов, он не забыл об экспедиции и о том громадном вкладе в изучение Йемена, который внесли благодаря ей отечественные ученые. По его инициативе в 1993 г. в Сане, столице объединенного Йемена, было подписано соглашение о создании Российской комплексной экспедиции в Йеменской Республике (РКЭЙР). Однако никакого финансирования ей тогдашнее правительство России, разумеется, не выделило. Приходилось рассчитывать на гранты, весьма скромные по сравнению со средствами, которыми располагала СОЙКЭ. Кроме того, новая экспедиция не имела статуса совместной, и, следовательно, йеменская сторона не только перестала участвовать в формировании ее бюджета, но и обязала нашу экспедицию, подобно западным археологическим миссиям, оплачивать услуги инспектора Генеральной организации древностей и музеев, без которого она не имела права вести работы на территории страны. В такой ситуации о возобновлении раскопок на Райбуне, требовавших, помимо всего прочего, найма местных рабочих, не могло быть и речи. Тогда А. В. Седов вместе с Ю. А. Виноградовым продолжил работы на городище Би'р 'Али, которые дали уникальный материал по истории международной торговли в бассейне Индийского океана. Участвовали они и в полевых исследованиях западных экспедиций, чаще всего — экспедиции Санского отделения Немецкого археологического института (DAI — Deutsches Archäologisches Institut).

Очень непросто было поддерживать в 90-е годы комплексный характер экспедиции. Ее полному превращению в Российскую археологическую экспедицию препятствовала активная полевая работа В. В. Наумкина и М. А. Родионова, успешно продолживших свои исследования. Правда, средства на этнографические исследования М. А. Родионову приходилось изыскивать самостоятельно.

На протяжении последних полутора десятилетий А. В. Седов осуществлял обработку накопленных СОЙКЭ данных по райбунским храмам, результатом чего стали две солидные монографии⁷¹. Следует отметить и то содействие, которое он оказывал в заполнении лакун в эпиграфической документации экспедиции. Так, по его просьбе Бурхард Фогт, возглавлявший тогда Санское отделение DAI, направил в лапидарий Сай'унского музея немецкого фотографа М. Кёнгсена, который отсыял более сотни надписей из храмов Рахбан и Кафас/На'ман и передал их в архив СОЙКЭ. В начале ноября 1998 г. в рамках программы РКЭЙР автор этой книги провел десять дней в том же лапидарии, где ему удалось заполнить все пробелы в документации храма Кафас/На'ман и городища Би'р Хамад. В 2001 г. был опубликован первый выпуск корпуса райбунской эпиграфики, куда вошли 458 надписей храма Хадран, а в 2007 г. — второй с 298 текстами

⁷¹ Седов 2005; Sedov 2005.

ВВЕДЕНИЕ

Кафаса/На' māна, найденными СОЙКЭ в 1984, 1988 и 1991 гг.⁷²; в печати находится еще один выпуск, включающий в себя эпиграфические материалы с Би'р Ҳамада⁷³.

Надежды вернуться на Райбун А. В. Седов, судя по всему, не оставил. И вот в начале нового века некоторое улучшение положения в российской науке позволило этим планам осуществиться. Ежегодно РКЭИР стала получать грант Российского гуманитарного научного фонда на проведение полевых исследований, а также специальное целевое финансирование Президиума РАН. В ноябре 2003 г. силами Ю. А. Виноградова и Е. С. Бондаренко, ученицы А. В. Седова, на участке 4 Райбуна I был пробит шурф, позволивший уточнить стратиграфию всего городища, и выявить шесть последовательных строительных периодов, с каждым из которых соотносена определенная группа керамики. Кроме того, был заложен разведочный раскоп в руинах храма Райбун VI, который показал перспективность планомерных раскопок памятника, прежде всего с эпиграфической точки зрения. Действительно, в ходе раскопок этого храма, проходивших в два этапа, в 2004 и 2005 гг., под руководством А. В. Седова и при участии Ю. А. Виноградова, фрагментов надписей было найдено больше, чем обломков керамики. В качестве эпиграфиста в эти годы в составе РКЭИР выезжал автор этой книги⁷⁴. В результате первого полевого сезона, продолжавшегося с 15 по 27 ноября 2004 г. (см. ил. 11 а–б), число текстов, обнаруженных на Райбуне VI (считая и те из них, которые были зафиксированы во время краткого посещения этого объекта 4 ноября 1998 г.), достигло 567, 75 из которых остались *in situ* (преимущественно в вымостке)⁷⁵. Было твердо установлено, что здесь почитался бог Сийан, как и в Майфа'ане. Благодаря нескольким довольно крупным фрагментарным надписям удалось выяснить название храма — Васаṭḥān (вариант — Васаṭān). Кроме того, выяснилось, что одна из стел, хранящихся в Аденском музее, — CIAS 95.11/p1 — происходит именно из этого храма⁷⁶, причем никаких следов пиратских раскопок на Райбуне VI не обнаружено. Приходится признать, что история эпиграфического изучения Райбунского оазиса нам известна далеко не в полном объеме. В течение второго полевого сезона, с 16 по 28 ноября 2005 г., храм был полностью раскопан, а число новых надписей составило 243 (из них шесть — в вымостке)⁷⁷. Глубоко символическим представляется возвращение российских ученых на Райбун V, раскопки которого были приостановлены одновременно с распадом СССР в декабре 1991 г. В ходе полевого сезона 2007 г., продолжавшегося с 10 по 24 ноября, были вскрыты главная лестница, которая вела в святилище⁷⁸, парадный двор перед ней (см. ил. 12) и так называемый «дом жреца», находящийся слева от входа во двор. Общее количество эпиграфических находок достигло 219, среди которых 130 надписей на известняковых плитах, почти исключительно фрагментарных, были обнаружены в слое разрушения и в подъемке, 58 — на плитах вымостки и ступенях лестницы, 24 — на обломках керамических сосудов. Таким

⁷² Frantsouzoff 2001a; Frantsouzoff 2007a.

⁷³ Frantsouzoff (à paraître) a.

⁷⁴ В 2004 г. помощь в описании и фотографировании надписей мне оказывала начинающая сабейстка из Италии Лессия Приолетта, ученица Александры Аванцини из Пизанского университета, а в 2005 г. — Е. С. Бондаренко.

⁷⁵ Наиболее важные эпиграфические находки этого сезона рассмотрены в: Frantsouzoff 2007b.

⁷⁶ Frantsouzoff, Prioleta (à paraître).

⁷⁷ Кроме того, в этом же полевом сезоне, благодаря работе в Сай'унском лапидарии с 22 по 24 ноября 2005 г., удалось заполнить последние лакуны в эпиграфической документации храма Раḥbān.

⁷⁸ Французов 2008. С. 185, рис. 1.

образом, общее количество памятников эпиграфики, открытых отечественными учеными на Райбуне, перевалило за 3700, а лапидарий Сай'унского музея пополнился 887 надписями. Всего же с учетом находок на других городищах эпиграфистами СОЙКЭ и РКЭЙР с 1983 по 2007 г. было зафиксировано более 4000 надписей⁷⁹.

В чем же причина богатства Райбуна эпиграфическими материалами, которое особенно заметно на фоне чрезвычайно бедной ими Шабвы, столицы Хадрамаутского царства?⁸⁰ Дело, по-видимому, в том, что обитатели Райбуна жили куда скромнее, чем столичные жители, и потому посвящали храмам тексты, высеченные на известняке, которые, хотя и пострадали в огне пожаров, но все же полностью не погибли. В святилища же Шабвы подношения делались в виде бронзовых табличек⁸¹, ставших в подавляющем большинстве добычей завоевателей и средневековых кладоискателей⁸². Следует подчеркнуть, что схожий с райбунским формуляр в эпиграфике Шабвы обнаружен лишь в отдельных, чудом дошедших до нас текстах на бронзе⁸³.

⁷⁹ Всем надписям, обнаруженным СОЙКЭ, присваивался археологический сигл, включавший в себя ссылки на объект, год находки, здание или его часть, номер слоя, а также порядковый номер. Так, сигл Rb I/89 bld. 4, lev. I n° 291 + n° 261 a-b + n° 260 a-e означал, что восемь фрагментов этого большого текста, определенным образом пронумерованные, были найдены в слое I здания 4 городища Райбун I в 1989 г. Те из надписей, что поступили в Сай'унский музей в 1983–1990 гг., получили еще и эпиграфический сигл: СОЙКЭ + порядковый номер. Эпиграфические материалы 1991, 2003–2005 и 2007 гг. обозначались только археологическим сиглом.

⁸⁰ За все время раскопок, проводившихся в Шабве с 1975 г. французскими археологами под руководством Ж.-Фр. Бретона, там было найдено не более 80 ранее не издававшихся текстов, преимущественно весьма небольших по объему (см.: Pirenne 1990, passim).

⁸¹ Тексты на металле, в том числе на бронзе, встречаются среди тысяч райбунских надписей всего несколько раз. Отметим в качестве примера фрагмент бронзовой таблички из здания 5 городища Райбун I (см.: Акопян 1995. С. 74–75, рис. 8) и небольшой текст на серебряной подвеске Rb XIV/89 n° 244 = СОЙКЭ 2159 (Frantsouzzoff 2005b. P. 215–216; N° 26. Pl. XXXVI, 1–2.).

⁸² Во многих *хадйсах* упоминается положение мусульманского права, согласно которому 20% найденного клада должны передаваться в казну: *ва-фй-п-рикйз ал-хумс* «а с кладов -- пятина» (Wensinck et al. 1933–1969, II. P. 83). В некоторых посланиях пророка Мухаммада представителям именной знати, например хадрамаутским *кайлам* из рода ал-'Абъхила, оно сформулировано с использованием иного термина: *ва-фй-с-суйуб ал-хумс* (Ибн Халдун 1284. С. 56; Ибн 'Абд Рабби-хи 1293, I. С. 138). Независимо от того, подлинны ли эти послания, в них отражены хозяйственно-правовые реалии, типичные для раннесредневековой Южной Аравии. Следовательно, находки кладов были довольно распространенным явлением в ту эпоху.

Вполне вероятно, что в случае с *сайб* (мн. ч. *суйуб*) речь идет о заимствовании из южноаравийской эпиграфики. Значения этого имени нарицательного «дар», «добровольное пожертвование», «металлы (особенно золото и серебро) и минералы, извлеченные из земли», «клад» заметно отличаются от основной семантики корня *SYB* в классическом арабском (ср.: Lane 1863–1893, 4. P. 1481), тогда как в единственном сабейском контексте, где термин *s'yb* засвидетельствован, он обозначает подношение, переданное из одного храма в другой: *...w-hqnyw/dn/s/[m- | n]/Rm/s'yb-hmw/bn/mhrm-n/S'lym/...* «... и посвятили они эту статуэтку (богу) Румману в качестве их дара из храма Сулайм ...» (СН 140/7–8; см.: Müller W. 1974. S. 414, 418).

Следует отметить, что в конце 1990-х годов при раскопках избежавшего разграбления дома, который входил в храмовый комплекс на горе ал-'Ауд в южной части Йеменского нагорья, были обнаружены уникальные изделия из бронзы, в том числе с надписями (об этом открытии см.: Hitzgen 1999). Подобные предметы роскоши и составляли основную добычу йеменских кладоискателей. Золотые и серебряные украшения, о которых столь красочно повествуют легенды кахтанидского цикла, встречались, разумеется, значительно реже. Не исключено, что появление таких легенд могло быть отчасти основано на лингвистическом недоразумении: термину *qhb*, во всех южноаравийских эпиграфических языках имеющему значение «бронза» (Sima 2000. S. 307–324), соответствует арабское *zahab* «золото».

⁸³ Robin, Frantsouzzoff 1999; Frantsouzzoff 2001b. P. 60–61. Подробнее см. главу III.

SUMMARY

This book is the second, revised and enlarged edition of the monograph *Raybūn: Its Inscriptions and People* (St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2009. 217 p.) by the same author. Both editions are dedicated to one of the temple centers of the pre-Islamic South Arabian civilization, viz. the oasis of Raybūn, which existed on the territory of Ḥaḍramawt, the autonomous historic-cultural region of Yemen, during the 1st millennium B.C.

Foreword to the Second Edition (p. 5) gives general outlines of corrections and additions made in this new version of the work, while in *Foreword* (p. 6–8) to the previous edition the author reveals the reasons that induced him to write this book, including the advice of Prof. Sevir B. Chernetsov, his teacher in Classical Ethiopic (Ge‘ez) language. Here he also traces the geographical boundaries of the region of Ḥaḍramawt in the ancient and modern times, explains the transliteration principles he used for proper names and expresses his acknowledgements to those who rendered him assistance in preparing the study for publication.

The Introduction entitled *The Discovery of Raybūn and History of Its Epigraphic Studies* (p. 9–26) begins with a remark on the occurrence of the toponym Raybūn in local Arab Islamic sources. The initial step of this research as well as the next one are respectively drawn in detail in sections *The First Western Travelers about Raybūn* (p. 12–15) and *Studies of Raybūn by Archaeologists and Epigraphists in the 2nd Half of 1930’s — Late 1970’s of the 20th Century* (p. 15–17). The contribution of Soviet and Russian scholars in the field researches of Inland Ḥaḍramawt, special attention paid to the antiquities of this oasis, are elucidated in sections *The Excavations in Raybūn by the Soviet Yemenite Multidisciplinary Expedition* (p. 17–23) and *The Renewal of Excavations in Raybūn by the Russian Multidisciplinary Mission in the Republic of Yemen* (p. 24–26).

Chapter I, *Paleography and Chronology* (p. 27–56), considers the problem of ancient Yemenite inscriptions and their chronology based on peculiarities of their script. In section *The Chronological Schemes of South Arabian History: “Very Long”, “Longer” and “Shorter”* (p. 28–32), a number of attempts to build chronological frames for the history of pre-Islamic Yemen are examined. As a result, it becomes clear why the so-called “shorter” chronology proposed by J. Pirenne in mid-50’s was rejected by the end of the 20th century, in favor of the “longer” one. Section *Elaboration of Paleographic Classification of Raybūn Inscriptions and of Their Dating Criteria* by G. M. Bauer (p. 32–36) concentrates on paleographic and linguistic features that appeared to be of particular importance for fixing relative chronology. *New Approaches to Paleographic Studies of Raybūn Inscriptions* worked out by the author and provided with 5 diagrams and 6 tables, are put forward for consideration in the next

SUMMARY

section (p. 36–54). Section *Paleography of the Texts on Pottery and Wood: Problem Statement* (p. 54–56) concerns the need to elaborate relevant methods for dating the epigraphic documents written on those materials.

Chapter II *The Engravers of Inscriptions and Their Craft* (p. 57–69) demonstrates the role of those artisans in the cultural environment of ancient South Arabia. Section *On the Term grby^{(h)n} and Its Meaning* (p. 57–62) removes all doubts concerning the interpretation of that *nisba*-like word as a common noun. Two other sections of the chapter deal with *The Status of Stonemason — the Engraver of Inscriptions (grby^{(h)n}) in the Society of Raybūn* (p. 62–64) and *The Technique of Producing Inscriptions* (p. 64–69). In the latter, special attention is paid to the marks left by engravers on lateral sides of inscriptions (fig. 6–17).

Chapter III *The Language and Formulae of Raybūn Texts, Their Material Supports* (p. 70–97) includes eight sections. The first of them, *The Main Linguistic Peculiarities of Raybūn Inscriptions* (p. 71–75), gives a survey of some grammatical phenomena of the Hadramitic language which were never attested before. The categories of the epigraphic documents discovered in this oasis, the votive objects mentioned in them and the stereotype formulae they frequently use are thoroughly analyzed in the following sections: *The Commemorative Inscriptions of Raybūn: Their Objectives and Design* (p. 75–77); *Shorter Dedicatory Texts and Votive Objects in Them* (p. 78–83); *The Votive Object bḥt and Attempts to Identify It* (p. 83–86); *Types of Oracles and Their Place in Formulae* (p. 86–87); *Specific Features of Formulae in Larger Inscriptions Dedicated to the Goddess Dhāt Ḥimyam* (p. 88–90); *Specific Features of Formulae in the Texts on Stelae Dedicated to the God Siyān* (p. 91–95); *The Final Formula with the Verb tq'* (p. 95–97).

Chapter IV *The Pantheon of Raybūn. Heathen Cult and Everyday Life* (p. 98–113) is concerned with religious practices performed by the inhabitants of the oasis. Its introductory section, *A Study of South Arabian Religion: Principles and Approaches* (p. 98–100), cites the decisive arguments against the concept of the divine triad elaborated by D. Nielsen in the beginning of the 20th century and the astral character of the great majority of ancient Yemenite deities. Several features proper to the cults of two principal members of the pantheon of Raybūn are reconstructed in sections *Siyān and His Functions According to Raybūn Inscriptions* (p. 100–103) and *Dhāt Ḥimyam and Her Subordinate Deities* (p. 104–107). The existence of aniconism in South Arabian religious prescriptions is well-founded in section *“Thou Shall Not Make unto Thee Any Graven Image”: an Analogue of the Second Commandment in the Epigraphy of Raybūn* (p. 108–110). *The Goddess Athtar^{um}/Astar^{um} Worshipped Locally* (p. 111–112) and *Other Deities Adored by the Inhabitants of Raybūn* (p. 112–113) are examined in the last two sections of this chapter.

The core of Chapter V *The Names of Inhabitants of Raybūn* (p. 114–132) proves to be its onomasticon extracted from the epigraphic documents. In section *Studying Proper Nouns of Raybūn: General Principles* (p. 114–119) the author accepts the approach to the ancient Arabian names based on the refusal from any etymological speculation which was proposed by M. Macdonald. In the next section, *The Anthroponymy of Raybūn: an Experience of Its Quantitative and Qualitative Analysis* (p. 120–129), all the personal names discovered there are examined for the first time, and their distribution among the temples of the oasis is studied in detail. Besides, the anthroponyms of Raybūn are compared with the proper nouns found in the inscriptions of other South Arabian cultural and political areas (Saba', Ma'in and Qatabān), with special attention to the Old Sabaeen Kingdom, in North Arabian epigraphic documents as well as in the medieval Yemenite genealogies and even Ethio-Sabaeen and

Ethiopian onomasticons. The materials collected in section *Raybūn as a Center of Pilgrimage According to Anthroponymic Data* (p. 129–132) suggests a hypothesis that the inhabitants of some other settlements of Inland Ḥaḍramawt, such as Bi'r Ḥamad and Bā Quṭfa, could pay regular visits to this temple center. The complete list of Raybūn personal and lineage names with their parallels is given in the Appendix (p. 188–221).

In Chapter VI *The Society of Raybūn: Its Structure and Institutions* (p. 133–149) only a limited number of subjects of social and political history are touched upon because of the fragmentary nature of local epigraphic documents. All the subjects are clearly stated in the titles of the following sections: *The Initial Stage in the History of the Society of Raybūn and the Problem of Sabaean Influence* (p. 133–136); *Some Categories of the Population of Raybūn and Its Environs in the Early Period* (p. 136–139); *The Community of Raybūn and Its Magistrates* (p. 139–141). The complicated problem of mutual relations between this temple center and the capital of the Kingdom of Ḥaḍramawt is partly solved in section *Raybūn and Shabwa* (p. 142–143). The institution of eponymate in Ḥaḍramawt in comparison with its counterparts in other states and regions of Ancient Yemen is examined in section *Datings Based on the Eponyms in the Epigraphy of Raybūn and Other Hadramitic Inscriptions* (p. 143–147). The last section, *The Downfall of Raybūn* (p. 147–149), gives a sketch of its total destruction in the course of a series of wars between Qatabān and Ḥaḍramawt at the very end of the 1st millennium B.C.

The monograph is concluded with a sort of short notes entitled *Epigraphic Studies of Raybūn: Their Prospects and Limits (Instead of Afterword)* (p. 150–151), which drafts some future perspectives of the research of the epigraphic documents of Inland Ḥaḍramawt.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	5
Предисловие	6
Введение	
ОТКРЫТИЕ РАЙБЌНА И ИСТОРИЯ ЕГО ЭПИГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	9
Первые западные путешественники о Райбўне.	12
Исследование Райбўна археологами и эпиграфистами во второй половине 30-х — конце 70-х гг. XX в.	15
Раскопки Райбўна Советско-йеменской комплексной экспедицией.	17
Возобновление раскопок Райбўна Российской комплексной экспедицией в Йеменской Республике	24
Глава I. ПАЛЕОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ	27
Хронологические схемы южноаравийской истории: сверхдолгая, долгая и краткая	28
Разработка Г. М. Бауэром палеографической классификации райбунских надписей и критериев для их датировки	32
Новые подходы к изучению палеографии райбунских надписей	36
Палеография текстов на керамике и дереве: к постановке проблемы	54
Глава II. РЕЗЧИКИ НАДПИСЕЙ И ИХ РЕМЕСЛО	57
О термине <i>grby^{(h)n}</i> и его значении	57
Статус каменотеса — резчика надписей (<i>grby^{(h)n}</i>) в райбунском обществе	62
Техника изготовления надписей	64
Глава III. ЯЗЫК И ФОРМУЛЯР РАЙБУНСКИХ ТЕКСТОВ, ИХ МАТЕРИАЛЬНЫЕ НОСИТЕЛИ	70
Основные языковые особенности райбунских надписей.	71
Коммеморативные надписи Райбўна: назначение и оформление	75
Краткие votивные тексты и объекты посвящения в них	78
Объект посвящения <i>bht</i> и попытки его идентификации.	83
Виды оракулов и их место в формуляре	86
Особенности формуляра пространных надписей, посвященных богине Зўт Химўям.	88
Особенности формуляра текстов на стелах, посвященных богу Сийўану.	91
Финальная формула с глаголом <i>td'</i>	95
Глава IV. ПАНТЕОН РАЙБЌНА. ЯЗЫЧЕСКИЙ КУЛЬТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ	98
Изучение южноаравийской религии: принципы и подходы	98
Сийўан и его функции по райбунским надписям	100
Зўт Химўям и подчиненные ей божества.	104
«Не сотвори себе кумира»: аналог второй заповеди в райбунской эпиграфике.	108
Местнотимая богиня 'Астар ^{ym} /'Астар ^{ym}	111
Прочие божества, почитавшиеся райбунцами.	112
Глава V. ИМЕНА РАЙБУНЦЕВ.	114
Изучение райбунских имен собственных: общие принципы.	114
Антропонимика райбунцев: опыт количественного и качественного анализа.	120
Райбўн как центр паломничества по данным антропонимики	129

Глава VI. ОБЩЕСТВО РАЙБЌНА: СТРУКТУРА И ИНСТИТУТЫ	133
Начальный этап в истории райбунского общества и проблема сабейского влияния	133
Некоторые категории населения Райбўна и его окрестностей в древний период	136
Община Райбўна и ее магистраты	139
Райбўн и Шабва	142
Датировки по эпонимам в райбунской эпиграфике и других хадрамаутских надписях	143
Гибель Райбўна	147
Эпиграфическое изучение Райбўна: перспективы и пределы (вместо заключения)	150
Summary	152
Библиография	155
Список сокращений	171
Сиглы цитированных надписей	173
Указатели	
Указатель топонимов и названий сооружений	175
Указатель имен божеств, личных и родовых имен, этнонимов.	178
Список карт и иллюстраций	185
Приложение. Антропонимы в надписях Райбўна и Би'р Хамادا	188

Научное издание

Французов Сергей Алексеевич

К ВОСТОКУ ОТ АДЕНА

Оазис Райбўн в I тысячелетии до н. э.

Эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута

Редактор *В. С. Волкова*

Корректоры *Е. В. Дианова, В. О. Кондратьева*

Технический редактор *Е. М. Денисова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.

Подписано в печать 04.05.2012. Формат 70 x 100/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 400 экз. Заказ № 4060.

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии

ОАО Издательско-полиграфическое предприятие "Искусство России"
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2.